

Пётр Немировский

НА МОСТУ СВЯТОГО АНГЕЛА

Пётр Немировский

**НА МОСТУ
СВЯТОГО АНГЕЛА**

Итальянский дневник

Бостон • 2026 • Чикаго

ПЁТР НЕМИРОВСКИЙ

На мосту Святого Ангела

Итальянский дневник

PETR NEMIROVSKIY

On the Bridge of St. Angelo

Italian Diary

Copyright © 2026 by Petr Nemirovskiy

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-970342-23-9 (softcover)

ISBN 978-1-970342-22-2 (hardcover)

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Produced in conjunction with Bagriy & Company | Chicago, IL

☐ www.bagriycompany.com

✉ printbookru@gmail.com

Edited by Julia Grushko

Book Design by Yulia Tymoshenko

Cover Design by Larisa Studinskaya

Printed in the United States of America

Содержание

Часть первая. Венеция

Мисс Джен-Оленка	9
Вояка Олег	13
Венецианские утки	16
Как стать легионером Юлия Цезаря	18
Солнечный удар	21
Замок Дожей. Гениальный Казанова	24
Закат	29
Неспетая песня гондольера	31

Часть вторая. Флоренция

Чёрный сом в водах Арно	39
Великий авантюрист	49

Часть третья. Тоскана

Шторм	65
Ненормальный художник	68
Остров Эльба. Изгнание из рая	77
Странная тётя из Америки	92
Только ветер знает все тайны моря	104

В Пизе	114
Райские кущи для женщин	122
«Ла-на...»	133

Часть четвёртая. Рим

Из жизни императоров — бывших и нынешних	137
Чёрный день	148
А утром он проснулся	161
Где не ступала нога ни одного туриста	167
«Аве-е Мария-а...»	178
Лев из подвалов Колизея	183
«Мы не средневековые палачи»	192
Возвращение блудного Лео	201
Эпилог	205

Часть первая
ВЕНЕЦИЯ

Мисс Джен-Оленка

— **A**re you from Ukraine?

— Yes.

— What's your name?

— Lev. Leo. And yours?*

— Jenn. Мой родной язык английский, но я учу украинский и уже кое-что понимаю. Но говорю по-украински пока очень плохо. *Дуже погано*, — сказала она в подтверждение своих слов по-украински, с сильным акцентом. Затем снова перешла на английский.

Так они познакомились в кафе Нью-Йорка, куда Лео часто заходил после работы выпить капучино.

Джен — молодая обаятельная женщина лет тридцати — сидела за столиком и пила кофе. Она предложила Лео сесть к ней за столик.

— Я — американка, уже четвёртый год живу в Киеве, я там с самого начала войны, — сказала она.

— Интересно, как и почему случилось, что вы оказались в Украине?

— По профессии я журналистка, работаю спецкором в *US Today*. Перед самым началом вторжения России

* — Ты из Украины?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Лев. Лео. А тебя?

в Украину я находилась в Польше, освещая международный форум по безопасности в Европе. Мой редактор предложил мне, раз я уже в тех краях, поехать в Киев на несколько дней, написать пару репортажей. Тогда никто в Америке точно не знал, нападёт Путин или нет, всё висело на волоске. Я согласилась. В Киеве меня и застала война. В первые же дни после бомбёжки я решила: «Остаюсь тут, буду передавать в газету новости прямо из горячей точки. Ведь это же такая журналистская удача!» Мой муж тогда находился в Америке, требовал, чтобы я немедленно вернулась в Штаты, но я отказалась. В то время я, как и многие, считала, что всё закончится очень быстро, максимум за месяц-два, с Путиным как-то договорятся, или Байден поведёт себя более решительно. Но увы. Вот уже три с половиной года я там.

— Как ты догадалась, что я из Украины? — спросил он.

— Очень просто. У тебя на руке жёлто-синий браслетик.

— А-а. Я совсем забыл про него, ношу его с самого начала войны. Ты будешь удивлена, узнав, что я из Киева, тоже одно время работал журналистом: сначала в Украине, а потом в Америке — уже в иммигрантской прессе. Когда-то я закончил филологический факультет киевского Университета.

— Надо же. Я живу неподалёку от университета, снимаю там квартиру, — она нашла на своём мобильнике и показала ему фотографии улицы возле университета и само здание, где после недавнего ракетного обстрела повыбивало стёкла на нижних этажах, поэтому окна там были закрыты листами фанеры. — Получается, у нас с тобой много общего. Ты давно живёшь в Америке?

— Уже двадцать лет. Правда, журналистом давно не работаю, филологию тоже больше не изучаю. Я теперь обычный QA — тестирую компьютерные программы в финансовой компании.

У него всё же слегка защемило в сердце: упоминание о Киеве его юности, студенческих годах в универе, работа в газетах... Всё это кануло навеки. Жаль, жаль. Впрочем, это было мимолётным сожалением, он привык к другой специальности, другой стране, другой жизни. А когда-то был неплохим журналистом, кстати говоря.

— Я недавно приехала из Киева домой — в Нью-Йорк, в отпуск. И, представляешь, уже скучаю по Украине, по войне... Смотри, какие у меня классные татуировки, — она оттянула рукав футболки до самого плеча, с гордостью показав несколько забавных маленьких татуировок: птички, подсолнухи, карикатурный козак в шароварах и папахе гонится за полуголой молодой женщиной. — А это моё новое украинское имя: OLENKA, — громко прочитала она, указывая на надпись с внутренней стороны предплечья. — Меня многие знакомые в Украине так и называют «Джен-Оленка».

— Хочешь зайти ко мне в гости? Я живу неподалёку отсюда, — предложил он.

— Я бы с удовольствием, но извини, сейчас не могу. С минуты на минуту должен прийти мой муж, и мы поедem домой паковать вещи. Завтра улетаем в Италию, в отпуск на три недели.

— Серьёзно? Мы завтра тоже улетаем в Италию, всей семьёй. Тоже на три недели.

Она едва не подпрыгнула на стуле:

— Невероятно! Эта встреча неслучайна! Наверняка кто-то ТАМ что-то замыслил, — она выразительно распрямила указательный палец, направив его вверх.

Они быстро установили контакт в «Вотсап» и сфотографировались вместе на прощанье. Договорились связаться уже в Италии. Это случайное знакомство действительно выглядело необычным и многообещающим.

— Всё, Оленка-Джен. *До побачення*, — сказал он по-украински, которым владел свободно так же, как и русским, и английским.

— Папа, это невероятно, это мистика. Тебя, а может, и всех нас ждёт какое-то чудо, — предположил восемнадцатилетний Марк, услышав рассказ отца про его случайное знакомство в кафе с американской журналисткой, которая сейчас живёт в Киве, пишет о войне и завтра так же, как и они, поедет в Италию.

Марк знал о журналистском прошлом отца, знал и про то, что значит для родителей война в Украине, которая последние годы занимает львиную долю их разговоров и переживаний.

А вот Лана — жена — хоть тоже удивилась рассказу мужа об этой встрече, никакого восторга почему-то не выразила и ничего чудесного от этого не ожидала.

Лео тоже успокоился, на «остывание» ему много времени не понадобилось, жизненный опыт быстро охлаждает необоснованные ожидания чудесного.

Мало ли на нашем пути случалось встреч и знакомств, суливших что-то необычное, но ни к чему не приводивших? Бóльшая часть нашей жизни состоит из вот таких встреч. Это только в романах или кино каждая случайность становится роковой и в конце концов меняет человеку судьбу. А в жизни такого нет и близко.

Вояка Олег

Ваэропорту было многолюдно. Понятно, лето, сезон отпусков. Все трое — Лео, Марк и Лана — сидели в креслах в ожидании объявления посадки.

«Привіт, друже. Пиши побільше своїх вражень, коли будеш в Італії. Не уявляєш, як ця йобана війна мне задовбала. Але що робити? Треба змогилювати кацапів.* Іншого варіанту немає»,** — писал ему через «Вотсап» Олег, его бывший однокурсник из университета. В студенческие годы они с Олегом общались мало, не имея ни больших взаимных симпатий, ни антипатий. Но война неожиданно их сблизила.

На третий день после широкомасштабного вторжения Олег взял свой сложенный вещмешок и ушёл воевать, попрощавшись с женой и дочерью, готовый к тому, что с ними уже никогда не увидится и живым не вернётся. Но до сих пор Бог его хранит. Ещё недавно Олег воевал на Курщине, а сейчас артиллерийский дивизион, которым он командует, перебросили на Сумское направ-

* В Украине кацапами сегодня называют россиян, которые поддерживают войну и страдают имперским шовинизмом, презирая другие народы (*прим. авт.*).

** Привет, друг. Пиши побольше своих впечатлений, когда будешь в Италии. Ты не представляешь, как эта грёбаная война меня задолбала. Но что делать? Надо умогиливать кацапов. Других вариантов нет.

ление. Уже во время войны, когда они с Лео сошлись поближе, Олег рассказал ему, что его деды воевали во Вторую мировую: один в Советской армии, погиб под Черниговом, другой в УПА против войск НКВД — попал в плен и после этого двадцать лет с недолгими перерывами сидел в советских лагерях. Как говорил Олег, «в истории моей семьи действительно всё неоднозначно: один дед спасал украинскую землю от фашистов, другой — от коммунистов, поэтому для меня они оба герои. А я продолжаю их дело — *умогиливаю кацапов*».

По наблюдениям Лео, Олег значительно изменился не только внешне, но и внутренне. Он вроде бы такой же, каким был всегда, ещё со студенческих лет: многое его интересует — и политика, и инженерия, и история. Однако теперь, после трёх с половиной лет пребывания на фронте, вся его жизнь подчинена главной задаче — *«умогиливать кацапов»*. Эта задача доминирует у Олега над всем остальным, это его мантра, смысл его жизни. «Чем меньше кацапов останется на земле, тем будет лучше для наших детей. Потому что нашим детям и внукам тоже придётся с ними воевать».

Надо сказать, что его старший сын уже давно живёт в Голландии, а младшая дочь в Украине.

«У многих моих киевских друзей юности и бывших однокурсников дети давно живут на Западе. Закончили там колледжи, работают. А их родители — в Украине. В своём большинстве они — родители — патриотически настроены, все за Украину готовы лечь костью, по крайней мере на словах. Но мало кто признаётся, что их дети давно из Украины благополучно свалили. Однако не моё это дело и не моё право — осуждать кого-либо. Я ведь тоже живу в Штатах», — думал Лео, то прокручивая в телефоне ленту ФБ, то перечитывая письма от

Олега с фронта. Сейчас в Украине поздний вечер, значит у Олега полно свободного времени, ему там скучно сейчас, на войне, — их дивизион выходит на позицию обычно ранним утром. А к вечеру, перед сном, Олегу часто нечем себя занять. Вот и пишет обо всём: о своих побратимах, о технических данных немецких самоходных гаубиц в их дивизионе, расспрашивает Лео об американской жизни. По признанию самого Олега, ему эта переписка нужна как воздух, чтобы «интеллектуально не деградировать и спасти мозги от усыхания».

Олег высылает Лео огромное количество фотографий и видео, так сказать, «военную бытовуху», — как они с побратимами строят капониры и траншеи, чистят стволы орудий, заряжают их снарядами. Недавно, не выдержав стресса, в их дивизионе сошёл с ума молодой механик-водитель. А полгода назад хоронили побратима, заживо сгоревшего в машине. Ещё есть фотографии кота по кличке Рыжий, которого Олег подобрал перепуганным котёнком, когда они воевали под Бахмутом. Кот теперь несёт свою службу, отлавливая мышей в блиндаже.

«Добре, вояко, писатиму тобі про свої враження в Італії. Я їду до Італії вже втретє. До речі, вчора я познайомився з американською журналісткою, Джен-Оленкою, з US Today, вона зараз живе в Україні й пише про війну. Спробую вас зв'язати, щоб вона взяла в тебе інтерв'ю. Зараз вона теж поїхала до Італії, а звідти — в Україну».*

* Хорошо, вояка, буду писать тебе о своих впечатлениях в Италии. Я еду в Италию уже в третий раз. Кстати, вчера познакомился с американской журналисткой, Джен-Оленкой, из US Today, она сейчас живёт в Украине и пишет о войне. Постараюсь вас связать, чтобы она взяла у тебя интервью. Сейчас она тоже поехала в Италию, а оттуда — в Украину.

Венецианские утки

Причалил старенький катер. Длинная очередь туристов с большими чемоданами медленно продвигалась; забрав свой багаж в аэропорту, пассажиры садились в это морское такси, развозившее их по многочисленным островам Венецианской лагуны и, разумеется, в саму Венецию.

«Бух-дух-дух», — забухал мотор.

Поплыли.

Лео поднялся с со своего сиденья. Он был приятной наружности: среднего роста, спортивного телосложения; лицо мужественное, с правильными, хоть и немного мелкими чертами и непропорционально высоким лбом. Чёрные жёсткие волосы он зачёсывал назад и часто приглаживал их рукой.

Подойдя к борту, Лео смотрел на волны, оставляемые катером, на птиц, сидевших на каждом маяке и столбе в воде. Запах здесь был иной, хоть, по идее, запах этого моря не должен сильно отличаться от запахов других морей и океанов. Ан нет: каждый океан — будь то Тихий или Атлантический — имеет свой особый запах. И каждое море — Чёрное, Адриатическое или Карибское — короче, там, где Лео бывал и какой воздух навеки вдыхал в свои лёгкие, имеет свой особый запах. Так же, как и любой человек. К примеру, сын Марк имеет

свой, особый запах. И Лана тоже. Запах тела Ланы его по-прежнему волнует, хотя, по правде, в последнее время он (запах её тела) потерял для Лео своё первоначальное богатство.

Ах, какой приятный ветерок, как мило бухтит катер и плещутся волны.

— Папа, смотри, тут точно такие же длинношеие утки-нырки, как у нас в Нью-Йорке, — сказал Марк, подойдя к Лео и указав рукой на одну из чёрных уток, неподвижно сидевшую на столбе над водой. Утка раскрыла свои крылья для «просушки». — Интересно, они точно так же, как и наши, ныряют и плавают под водой на большие расстояния?

— Посмотрим. У нас будет достаточно времени изучить местную акваторию.

Как стать легионером Юлия Цезаря

После того как устроились в отеле, всей семьёй отправились на пляж. В надежде откупаться, отмыться и отдышаться после едва ли не суточной утомительной дороги. Шли по главной улице островка Лидо, превращённого в курортное место. Уже были открыты рестораны и пиццерии.

Марк сразу заявил, что голодный. Родители сначала не отреагировали. Состояние сына — постоянно голодный — Лео сильно раздражало. И тому была причина.

Одно из увлечений Марка — спортзал. Рядом с их домом в Нью-Йорке находится несколько фитнес-клубов, и Марк лет с пятнадцати, когда у мальчиков начинается период полового созревания, а следовательно, буйство гормонов и подростковых комплексов, — увлёкся спортом. Вернее, не столько спортом, сколько накачиванием мышц. Марк был рождён недоношенным, малюпусеньким. В роддоме, когда Лео принял его из рук акушера и понёс к весам, тот свернувшийся комочек почти уместился в отцовских ладонях. Лео положил младенца на весы и, задумчиво глядя на это существо, мысленно сравнил его со склизкой улиткой. Конечно, странно, ведь отца должна переполнять радость, ощущение нового поворота жизни, подаренного ему судьбой, надежда на достойного продолжателя рода — всё что угодно,

но только не смутная гадливость от вида этого комочка с мокрыми волосками.

Потом, по мере взросления, Марк долгое время отставал в росте и весе от своих сверстников, по своим физическим параметрам оставаясь на границе со слабо-развитыми и мало энергичными. Лео привык к такому «чахлому» сыну, не понимая, в кого он пошёл, — явно не в отца.

Но с пятнадцати лет Марк резко изменился: помимо посещения различных спортивных секций в школе, начал усиленно ходить в фитнес-клубы. И буквально на глазах, за пару лет, превратился в Геркулеса, в грудку мышц: плечи с широким разворотом, грудь, как у буйвола, мышцы перекачиваются под кожей стальными шарами. Изменилась и походка — не та, прежняя, лёгкая, неустойчивая, того и жди, что упадёт от первого порыва ветра. Теперь у Марка твёрдая походка античного героя. Соответственно, появилась и нагловатость во взгляде, и снисходительная усмешка на лице — характерные черты взрослеющего подростка.

Как результат, Лана за последние годы заметно улучшила свои кулинарные навыки, проводя у плиты куда больше времени, чем прежде. Главное, чтобы в холодильнике всегда было мясо — свинина, говядина и курица, в несметных казанах и кастрюлях. И пару дюжин яиц. Протеин, протеин, протеин. Пока ребёнок на ужин доедает последний стейк, Лана уже у плиты, разделявает только что принесённый из магазина шмат свежезарезанной свиньи или коровы...

— Я голодный, — повторил Марк громче, чем в первый раз.

— Сейчас мы тебе что-то купим, — откликнулась Лана, оглядывая ближайшие рестораны.

Они подошли к одному красивому ресторанчику, куда их ласково зазывал красивый официант, посмотрели на красивые цены в меню у входа.

— Знаешь, мой друг, — промолвил Лео, развернувшись и направив свой путь далее по улице, к пляжу, тем самым давая понять, что перекус откладывается. — Знаешь, как питались римские солдаты в армии Цезаря? Рассказываю: они несли с собой в походных мешках муку — чтобы на стоянках выпекать хлеб; растопленный свиной жир — чтобы добавлять его в муку для поддержания рациона жиров в организме; сосуд с оливковым маслом — чтобы меньше потеть в походе, предотвращая обезвоживание. Вот и весь их походный рацион. Вино они пили очень редко, а если пили, то обязательно разбавляя его водой. Запомнил?

Марк хмуро покосился на отца.

— Итак: мука, растопленный свиной жир, оливковое масло. В этой поездке мы постараемся сделать из тебя римского солдата в отборном легионе Юлия Цезаря. А то, гляди, разнесло, как буйвола.

— Кого? Бувало? — не понял Марк.

— Буйвола. Бизона. *Buffalo*. Понял? Но если не хочешь быть легионером Цезаря, мы превратим тебя в монаха Францисканского ордена. Те вообще ели по сухарю в день и запивали сырой водой. Так что, мой друг, выбирай: или легионер Цезаря, или францисканский монах.

Марк недовольно скривил лицо, лишний раз пожалев, что поехал с родителями в эту Италию, а не устроился на лето официантом в ресторане, заработал бы кучу денег. Лучше, чем римским солдатом или монахом.

Солнечный удар

Жара. Даже на пляже. Вода здесь, в Венецианской лагуне, — мелкая и тёплая, до неприязни. И заходить не очень хочется. Трудно представить, что на противоположном берегу этого же Адриатического моря, едва ли не по прямой — и совсем недалеко отсюда, расположен Дубровник: древний город-крепость на берегу (в составе нынешней Хорватии), который во времена Возрождения находился под протекторатом Венецианской Республики. Лео с семьёй там отдыхали в прошлом году.

Там, в Дубровнике, великолепное скалистое побережье, прохладная, но нежная, хоть и очень солёная вода. В такой можно плавать хоть час и без всякой усталости. Лео с Марком там быстро освоились, вместе с местными хорватами прыгали в воду с прибрежных скал, при отсутствии должного навыка шлёпались в волны то животом, то задом. Но то было купание, азарт, адреналин, учащённое громкое сердцебиение перед каждым прыжком. Лана сидела под скалой, в тени, смотрела снизу на подкрадывавшегося к краю скалы Марка перед очередным прыжком и крестилась...

Здесь же, напротив Дубровника, на Венецианском побережье Адриатики, скал нет и в помине, чего ожидал Лео и вся семья. Здесь на берегу — песочек в мелкой гальке, от берега можно брести долго, а вода всё по

колени. Рифов нет, лагун нет, русалок, тритонов, наяд — ничего этого нет. Зато много мамаш с детьми, да назойливые арабы и негры постоянно тычут тебе в лицо зонтики, африканские бусы и прочий хлам.

Марк, недолго поплавав, побрёл вдоль берега. Понятно, — отправился на разведку, разнюхать, есть ли тут рыба, и если да, то на какую наживку берёт. Марк привёз с собой из Нью-Йорка складной спиннинг и полчелю модана рыбацких снастей.

Лео поглядел на удаляющуюся по песку фигуру Марка. «Трудно поверить, что этот амбал — мой сын. Беда с ним — человека ничего не интересует, только рыба и накачивание мышц. Слишком он простенький и без больших запросов. Благо в последнее время, как и многие его сверстники, увлёкся торговлей биржевыми акциями онлайн. А вот я в его годы был не таким — меня всё интересовало, всегда куда-то несло. Но что поделать? Детей нельзя переделать так, как нам того хочется. Наши родительские амбиции внушают нам мысль о нашем родительском всемогуществе. На самом же деле наши силы и возможности в этом отношении весьма ограничены». Мысленно повторив про себя эту мудрую сентенцию, Лео глубоко вздохнул и пошёл купаться.

Выйдя из воды, потряхивая головой с ещё мокрыми волосами, он остановился возле жены, лежавшей под зонтиком. На ней был странный купальник, по её словам, специально купленный для этой поездки: Лана зачем-то решила по-монашески замуровать себя в печальные чёрные шорты и не менее печальный блёклый лифчик с большими чашками, скрывавшими её бесподобные стати.

Она неподвижно лежала на животе, накрыв голову полотенцем.

— Синьора, ты жива? — спросил Лео, присев рядом у её изголовья.

Лана молчала.

— Свет-Ланик, ты окей? — он слегка потряс её за плечи.

— Здесь невыносимо жарко. И я очень устала от перелёта, — промолвила она тихо, не поворачивая головы.

Лео стянул с её головы полотенце и наклонился поближе. Лицо Ланы было совсем бледным, без единой кровинки, и на этой белизне кожи, словно бриллиантики, играли цветами капельки пота. Не говоря ни слова, Лео схватил полотенце и ринулся к воде. Через минуту он мчался назад, держа мокрое полотенце, с которого текла вода. Развернув полотенце, накрыл им жену, прижав ткань к её телу, затем поднял и стал выкручивать, как выкручивают мокрую тряпку. С полотенца на тело Ланы полилась вода. Лео сделал ещё несколько таких ходок с полотенцем к воде и обратно.

— У-ух, немного легче, — промолвила Лана, свободно задышав. — Ещё немного, и я бы наверняка потеряла сознание. Получила бы настоящий солнечный удар. Спасибо, Лёвик. Дякую. А где Марчик?

— Пошёл проверить, какая в Венеции водится рыба. Он ведь ехал сюда, в первую очередь, ради этого, — он погладил жену по спине. — Ты меня, пожалуйста, больше так не пугай.

Он сел рядом, достал из большой пляжной сумки свой мобильник. На иконке «Вотсап» кто-то оставил сообщение. Джен-Оленка! Американская журналистка из *US Today*.

«Как ты, Лео? Уже в Италии? У тебя будет время встретиться со мной? Ты мне понравился».

Замок Дожей. Гениальный Казанова

Великий Макиавелли в своих работах критично отзывался о Венеции и её славных жителях. По его мнению, венецианцев отличает редкая жадность, даже не жадность — а слепая уверенность в том, что только деньги решают всё. Именно такое ошибочное представление стало причиной того, что Венецианская республика не достигла того, чего могла. Да, Венеция времён Возрождения имела могучий флот и торговлю; небольшой город на островах заключал крупнейшие финансовые и торговые сделки с империями и королевствами по всей Европе, Азии и Африке. Венецианцы, задаривая и подкупая европейских королей и императоров, влияли на политику на всём материке, не без их тайного или явного влияния начинались войны и заключались перемирия между странами.

Однако, по мнению Макиавелли, экономический успех ослепил жителей Венеции, они посчитали, что финансовая мощь заменит им мощь военную. Как показал ход истории, одни только деньги войну не выигрывают, — враг может просто отказаться от предложенных денег и покорит тебя силой своей армии. Так оно и случилось: не имея своей надёжной сухопутной армии и полагаясь в основном на свои банки и торговлю, венецианцы потерпели ряд сокрушительных пора-

жений от своих недругов, солнце республики закатилось ещё до того, как великий город-остров-банк был захвачен Наполеоном практически без единого выстрела.

Макиавелли, хоть и флорентиец, был современником Венеции эпохи Возрождения, многие события происходили на его глазах, поэтому он так нелестно отзывался о венецианцах, считая их безнадёжными торгашами.

Лео же, будучи поклонником Макиавелли, прочитав много работ этого великого человека, опередившего свою эпоху на несколько столетий, не имел оснований сомневаться в правоте Макиавелли, поэтому принял его слова за правду, что венецианцы — всего лишь отпетые торгаши и барыги.

А как же карнавалы, маски, гондолы с поющими гондольерами, неповторимые росписи в храмах в венецианском стиле? Получается, что всё это — декорация, мишура, сверкающая золотистая пыльца на денежных банкнотах.

С такими представлениями Лео с семьёй вошёл в знаменитый Дворец Дожей. Гид начал свою экскурсию с посещения одиночных тюремных камер, где когда-то сидели самые опасные преступники. По словам гида, в ту пору так же, как и сегодня, вода с канала часто поднималась и заливала все помещения вниз. Несложно представить себе заключённого в такой камере, где по колено воды, без света, ночью, зимой...

Все нижние этажи знаменитого дворца — камеры, камеры, камеры. Каменные «кровати», окна с чугунной решёткой, маленькая форточка в двери, через которую заключённым давали еду, как собакам.

А повыше во дворце располагались органы власти Великой Венецианской Республики: суды, прокуратура,

секретные службы и высший государственный орган Республики — Коллегия Дожей.

Такая необычная планировка даёт обильный материал для размышлений: вот ты, скажем, член верховного суда или первый секретарь торговой коллегии. В залах проходят заседания, подписываются документы, замышляются крупные финансовые или торговые кампании. Всё чинно, благородно. А несколькими этажами ниже, если спуститься по узкой лестнице, в одиночных камерах замурованы особо опасные преступники, криминальные деяния которых тоже, в большинстве своём, были связаны с крупными финансовыми аферами — коррупцией, предательствами, изменой родине. В таком соседстве светлых залов с тёмными камерами, вероятно, достигался высокий воспитательный эффект. Суровое наказание за взятку, предательство, попытку госпереворота, измену республике для человека у власти становилось не гипотетическим, а очень конкретным. К тому же при таком бесчеловечном содержании заключённые преступники жили недолго, смертность была высока, поэтому любой высокопоставленный государственный муж, невзначай подойдя к окошку залы на верхних этажах, мог наблюдать, как внизу из здания выносят завёрнутый в чёрную ткань труп очередного изменника. Волей-неволей сделаешь правильные выводы.

В этом дневнике путешественника не место подробно описывать систему управления Венецианской республики. Тот, кому интересно, сам найдёт материалы. Но во Дворце Дожей приходит ясное понимание: той республикой-банком управляли очень серьёзные люди. Не политиканы, не демагоги, не популисты, как нынешние деятели во многих странах. Те выбранные венецианские

госчиновники в вопросах бизнеса были очень жёсткими, а если надо — жестокими. Но в отличие от нынешних, интересы дела и республики они ставили выше собственного обогащения и тщеславия. Разве могло быть иначе — если маленький город на островах с немногочисленным населением сумел стать едва ли не финансовым и торговым центром всей Европы и Азии? Это требовало не только финансового гения, но и чрезвычайно сильного национального характера.

Последним подтверждением этой мысли во время посещения Дворца Дожей становится Зал Правосудия. Здесь в просторном зале заседали три прокурора, которые же выполняли и роль судей. Здесь «пытали верёвкой». К высокому потолку была прикреплена толстая верёвка, которой связывали за спиной руки обвиняемого. По указу судей, если обвиняемый не хотел сотрудничать со следствием и признаваться, палач приступал к работе. Под скрип шестерёнок лебёдки человек со связанными за спиной руками отрывался от пола, а судьи продолжали допрос. Могу себе представить вопли, оглашавшие этот зал. (А в соседних залах, тем временем, заседало правительство республики, принимая важные решения о мире, войне и торговых сделках.) В Зале Правосудия во время пыток обязательно находился врач (вот они, проблески гуманизма!). Врач решал, или подозреваемый ещё держится и можно пытаться дальше, или его руки уже поломаны, сухожилия порваны и вот-вот разорвётся его грудная клетка. Тогда допрос прекращали. На время. Или уносили труп.

— Вот бы путина сюда на допрос, — мечтательно промолвила Лана. — Впрочем, нет, он даже войти сюда недостойн. Его нужно сразу пристрелить, как бешеную собаку.

А Лео подошёл к свисавшему с потолка канату. Заведя руки за спину, схватил его конец и попросил сына сделать снимок. Марк навёл на отца свой мобильник и нажал кнопку.

— Ну-ка покажи, — попросил Лео. Увидел на экранчике себя «перед началом допроса», с искривлённым от ужаса лицом.

— Последний интересный факт: здесь, во Дворце Дожей, судили знаменитого соблазнителя женщин — Джакомо Казанову, — радостным голосом сообщила гид. — Здесь его приговорили за мошенничество к пяти годам заключения. Казанова совершил отсюда побег, один из самых фантастических по изобретательности тюремных побегов, единственный за всю историю существования этой тюрьмы. Гениальный человек гениален во всём — и как совращать женщин, и как бежать из тюрьмы. Остальные преступники, как вы догадываетесь, покидали это здание в горизонтальном положении. Пройдёмте в одиночную камеру, где он сидел, и я вам расскажу подробности этой истории, — сказала гид, и группа туристов последовала за ней.

В новой повести «На мосту Святого Ангела» Пётр Немировский мастерски синтезировал любовную драму и шпионский детектив. В основе сюжета — история путешествия простой семьи из Нью-Йорка, решившей провести отпуск в Италии. За короткий срок с ними происходит столько смешного и трагического, сколько бы могло уместиться в целую жизнь.

Плавное повествование сменяется непредсказуемыми поворотами сюжета, и читатель не знает, что произойдёт на следующей странице и как себя поведут герои.

События происходят в наше беспокойное, трудное время политических потрясений и войн.

ISBN 978-1-970342-23-9

9 781970 342239